

Т. Н. Николаева, Л. М. Готовцева

ИЗ ГЛУБИН ДРЕВНОСТИ: ИСТОРИЯ «ХОТОЙДООХ СОН»

В статье представлена попытка описать историю бытования архаичного вида старинной якутской шубы с точки зрения интерпретации ее функциональной предназначенности и синкретической социальной стратификации. Особую значимость приобретает знаковая функция изображенной на спинке данной шубы вставки в виде раскрытых крыльев птицы, что послужило также мотивационным признаком наименования данного вида верхней одежды как «хотойдоох сон» (шуба с орлом). Реконструкция ее «биографии» базируется на данных ранних и поздних источников и позволяет высказать предположение о существовании такой шубы примерно в конце XVII – в начале XVIII в., выдвигается гипотеза о южном происхождении и обозначены факторы, обусловившие тенденцию постепенной ее модификации в северных условиях. Реализация поставленной цели требует применения комплексного подхода с привлечением данных этнографии, искусствоведения, культурологии, технологии и конструирования одежды, лингвистики, для чего авторами обобщены доступные материалы, посвященные рассмотрению традиционной одежды якутов, в составе которой упоминается и данная шуба. Проанализировав ряд работ по данной тематике можно сделать предварительный вывод о том, что точка зрения авторов публикаций относительно символической маркировки орноморфного изображения строится на мнении о наделенности изображенной на спинке нарядной шубы птицы признаком тотема как родоначальника социальной группы кангаласцев. Однако имеются работы и отдельных авторов, мнения которых можно свести не к отрицанию вышесказанного; они не ставят перед собой задачу толкования потаенного смысла изображенной на спинке шубы вставки, они рассматривают ее, в первую очередь, с точки зрения утилитарной функциональной предназначенности. Внимание авторов данной статьи акцентировано на попытке прочтения информации, заложенной как в наименовании шубы, так и расшифровке условного знака в виде раскрытых крыльев птицы на ее спинке. По мнению авторов, история «хотойдоох сон» таит в себе немало ценного и интересного для тех, кто интересуется историей якутов в целом.

Ключевые слова: якутская древняя шуба, музей, материальная культура, тотем орла, якуты, шаман, верхняя одежда.

История «хотойдоох сон» – одна из недостаточно изученных тем в якутской этнографии, что связано с ограниченностью фактического материала. В основном это единичные экземпляры (образцы), сохранившиеся на территории северо-востока Якутии, сведения этнографов – исследователей Якутии XVIII – XIX вв., а также отдельные работы современных авторов, где фрагментарно указывается данная шуба в ряду других видов верхней одежды якутов. Имеющиеся упоминания о данной шубе, к сожалению, содержат мало сведений об истории ее происхождения, почти отсутствуют убедительные данные об ареале ее распространения, много вопросов таит в себе загадочное изображение на спинке шубы, хотя выдвигаются всевозможные предположения относительно не только его семантики, но и предпринимаются разного рода попытки проинтерпретировать сам рисунок.

Известно, что несколько экземпляров данных шуб были в свое время вывезены и находятся в Американском музее естественной истории, единичные экземпляры «хотойдоох сон» хранятся в коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, а в краеведческих музеях Среднеколымского улуса Якутии находятся ее северные образцы.

Ценные сведения о судьбе вывезенных из Среднеколымска и Верхоянска якутских шуб, находящихся в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке, предоставила З. И. Иванова-Унарова по итогам своего посещения этого грандиозного собрания артефактов. Здесь вкратце приведем выдержку из ее статьи, где автор подробно описывает внешний вид данных шуб, материал изготовления, места их приобретения. По данным автора, для Американского му-

зья Иохельсоном было приобретено шесть шуб с орлом – две из них из шкуры жеребенка, по одной – из шкур теленка, олененка, рыси и тарбагана. Фасон у всех «*хотойдоох сон*» одинаковый: это распашные шубы с мехом наружу, без воротника или с маленьким стоячим воротничком, рукава втачные, суживающиеся к запястью, завязываются кожаными тесемками. Ширина шуб позволяет носить под ней довольно объемистый нарядный комплект. Шуба из тарбагана золотисто-коричневого цвета с подкладом из тонкого красного сукна вывезена из Верхоянска. На спине имеется вставка в виде стилизованной птицы с раскинутыми крыльями из более темного меха бобра. Характерная черта большинства этих шуб – вместо традиционного для якутских шуб разреза сзади вшивается меховая или орнаментированная вставка. Если для обычных шуб разрез имел функциональную роль, то здесь не было необходимости расширять и так широкие шубы, предназначенные для езды в санях.

Другая шуба, приобретенная в Среднеколымске, сшита целиком из рыси, по подолу проходит полоска из черных беличьих хвостов. «Крылья орла» из более темного меха выдры.

Необычен фасон зимнего пальто, покрой которого напоминает эвенский или юкагирский кафтан. Основной материал – шкура жеребенка мехом наружу. Небольшой воротник и широкая полоса по подолу выполнены из темного тарбаганьего меха. Как в эвенских и юкагирских кафтанах, сзади ниже талии юбка собрана в две крупные складки, между которыми располагается декоративная вставка, состоящая из вертикальных чередующихся полосок из белого конского камуса и черной шкуры коровы. На спине вшиты крылья птицы из черной шкуры жеребенка.

Другую шубу В. И. Иохельсон называет «*бэстэрэйдээх сангыях*» – так называли местные жители шубу из белой шкуры годовалого олененка, по-видимому, за пестрые темные пятнышки на спине. Подол украшен полоской волчьего меха, а узкая горизонтальная вставка вдоль плеча, крылья птицы и небольшой воротничок выполнены из меха рыси. По подолу и бортам полы проходят орнаментированные полоски из черного и белого жеребьячьего меха.

Таким образом, шубы с орлом (*хотойдоох соннор*) из коллекции Американского музея представляют собой редкие уникальные экземпляры исчезнувшей якутской верхней плечевой одежды, сохранившей древний родовой тотем орла и испытавшей влияния одежды народов Севера (Иванова-Унарова, <http://www.kuuga.ru>).

В работах Р. С. Гаврильевой, Е. М. Ефимовой указывается, что один из самых древних образцов якутской свадебной меховой одежды сохранился в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Гаврильева, 1998:45; Ефимова, 2009:101).

О том, что образцы данной шубы сохранились в Среднеколымском улусе республики можем судить по экспонату «Хотойдоох сон (шуба с орлом) середины XIX века» Среднеколымского краеведческого музея, выставленного в Национальном художественном музее РС(Я) в январе 2019 г. и по заметкам В. Е. Васильева, побывавшего в этом улусе в 2009 г. для сбора этнографического материала (Васильев, 2010).

Вероятно, о данной шубе упоминает Р. К. Маак, когда указывает на «серповидные вставки»: «Самый ценный из женских уборов – это парадная шуба (санях), которую якутка одевает поверх обыкновенной в тех случаях, когда в полном наряде и во всех украшениях едет в гости или для совершения свадебного обряда. Подобные шубы у богатых шьются мехом наружу из дорогих лисьих, бобровых и рысьих мехов <...>. На спине шубы, около лопаток, всегда вышиваются серповидные вставки из меха речного бобра или выдры» (Маак, 1994: 232–233).

В. Л. Серошевский, автор этнографического исследования материальной жизни и духовной культуры якутов, писал: «Серповидный меховой (речного бобра) узор на спине, о котором говорит Р. К. Маак, вышел из употребления. Я видел его на севере всего у трех свадебных сангыяхов. Все они были из отборного тарбаганьего меха без всяких других украшений; сзади во всю спину пришит был узор, напоминающий орла с распушенными крыльями, из того же меха, только более темного. (По-видимому, пристрастие к тарбаганьему меху якуты тоже вывезли с юга. В якутской области нет тарбагана, между тем предание говорит, что древние

сангыяхи делались из тарбагана, и до сих пор на севере свадебные сангыяхи тарбаганы). Покрой сангыяха отличается от сона маленьким стоячим воротником, а также отсутствием или по крайней мере меньшей величиной фалд сзади и буфов на плечах» (Серошевский, 1993: 335).

М. М. Носов пишет, что теплые шубы с «серповидным» меховым узором на спине, упоминаемые Мааком, и шубы с пришитым «во всю спину» узором «наподобие орла», которые встречал Серошевский, были нарядными шубами якутов XVII и более ранних веков, украшенными узором культового значения (Носов, 1955: 98–99).

А. П. Окладников, рассматривая южные элементы в материальной культуре якутов, противостоящие элементам северного происхождения, подчеркивает, что нельзя пройти мимо таких южных черт и в старинной национальной одежде. О древности сангыяха, пишет автор, свидетельствует и тот факт, что еще в начале XVIII в. неизвестный русский информатор В. Н. Татищева в ответ на его запрос, сообщал, что платье якутов, «вышитое в крыльцах крыльями», называется санаяками. Эти «крылья» есть, очевидно, то же самое, что и обязательная принадлежность наиболее древней якутской одежды хотойдоох сон, «шубы с орлом», которая в прошлом имела значительно большее распространение, чем в конце XIX века (Окладников, 1949: 258).

Из этого следует, что древняя шуба – сангыях¹ со вставками из дорогих видов меха на спинке могла существовать уже в начале XVII в., при этом, видимо, нельзя отрицать ее южные корни.

По сведениям А.П. Окладникова, данная шуба изначально предназначалась для мужчин, впоследствии уступила свое место более короткой куртке "сон"² и стала исключительно женской одеждой. По свидетельству автора, важнейшими отличительными признаками мужского сангыяха в начале XVIII века были его значительная длина и ширина. Они сближают сангыях не с одеждами ближайших лесных соседей якутов, подвижных оленеводов и охотников-эвенов и эвенков, а с одеждами степных скотоводческих племен Сибири и Центральной Азии. Сюда же следует причислить разрез сзади сангыяха, делавшийся "ради способности к верховой езде". Эта последняя черта, совершенно несвойственная тунгусскому костюму с его специфическим треугольным хвостом позади "фрака", прямо указывает на возникновение традиционной якутской шубы – сангыяха в условиях господства скотоводческого быта и связь его с верховой конной ездой (Окладников, 1949: 257–258).

З.И. Ивановой-Унаровой выдвигается гипотеза о схожести *хотойдоох сон* с одеждой юкагиров, т. е. она находит в фасоне некоторые черты автохтонной культуры ввиду наличия клина вместо разреза и полосы мехового орнамента. Автор обнаруживает характерную черту большинства этих шуб – вместо традиционного для якутских шуб разреза сзади вшивается меховая орнаментированная вставка, образуя своеобразный расширяющий подол клин. (Иванова-Унарова, URL: <http://www.arcticmuseum>).

По всей видимости, авторы затрагивают вопросы эволюционного развития якутской одежды, которая со временем претерпевала различного рода изменения. Сеем предположить, что видоизменение задней нижней части шубы, точнее меховая вставка на месте существовавшего ранее разреза, видимо, связано с социально-функциональной «перезагрузкой» данного вида одежды. Мы имеем в виду вышесказанное мнение А. П. Окладникова о первоначальном назначении данной шубы как мужской одежды для верховой езды.

Таким образом, шуба меняет сферу своего назначения и постепенно становится женской шубой для езды в санях, что обусловило упрощение разреза (нижней части изделия) способом ее декорирования «меховой орнаментированной вставкой» по З. И. Ивановой-Унаровой.

¹ В "Большом толковом словаре якутского языка" лексема сабынньах определяется следующим образом: дорожная меховая доха или шуба мехом наружу (БТСЯЯ, 2010, т. 8: 137). В Словаре Э. К. Пекарского дается такое пояснение: доха; длиннополый женский меховой кафтан, надеваемый шерстью наружу (СЯЯ, 1959, т. 3: 2020).

² Сон – общее название женской и мужской верхней одежды, пальто из сукна, меха или ровдуги (БТСЯЯ, 2010, т. 8: 521).

Современные авторы такие, как Р. С. Гаврильева, Е. Г. Федорова, Е. М. Ефимова, С. И. Петрова, занимающиеся изучением истории и семантики традиционной и свадебной одежды и украшений якутов, среди прочих упоминают *хотойдоох сон* с точки зрения процесса эволюции изучаемого объекта и ограничиваются описанием данной шубы как древней верхней нарядной одежды невесты в контексте своего исследования. По мнению авторов, якутская невеста надевала данную шубу поверх другой шубы тангалай для дальней поездки в дом родителей мужа. Например, Е. М. Ефимова считает, что «поверх шубы тангалай (тангалай)³ якутская невеста в дальнюю поездку в дом родителей мужа надевала меховую доху – сангях. Согласно якутскому олонхо, описанная шуба является одной из самых древних якутских свадебных меховых одежд – «шуба с орлом» (*хотойдоох сон*). Такую шубу одевала женщина с тотемом рода орла – тойон кыыл. Орел почитался как оберег души человека и называли его не орлом, а иносказательно – Тойон» (Ефимова, 2009: 100–103).

Е. Г. Федорова подмечает, что изучение украшений в аспекте рассмотрения их материала, техники, топографии дает выход на этноисторические проблемы. И далее она пишет: «Один из ярких примеров мозаики дает одежда (известная в конце XIX в. как главным образом женская свадебная, в более ранние периоды эта одежда бытовала шире), которую шили мехом наружу из шкурок тарбагана или бобра, а на спинке делали напомиравшее орла с распростертыми крыльями украшение, выполненное из того же меха, но более темного оттенка» (Федорова, URL: <http://www.kunstkamera.ru>, 140:141).

Р. С. Гаврильева, автор, основательно занимавшийся изучением одежды народа саха конца XVII – середины XVIII в., считает данную шубу одной из древних форм верхней наплечной одежды якутов, надеваемой поверх остальной одежды, а стилизованное изображение летящей птицы имело значение родового знака-оберега (Гаврильева, 1998: 45).

С. И. Петрова, проведя структурно-семантический анализ знаковых систем свадебной одежды, более подробно останавливается на знаковой составляющей узора, изображающего раскрытые крылья орла, на толковании названия этого типа одежды, а также на интерпретации покроя и декора данной шубы (Петрова, 2006: 14–16).

В целом, на основании вышесказанного можем заключить, что присутствует определенный интерес ученых-этнографов, историков и специалистов смежных дисциплин к рассматриваемой теме, однако, имеющиеся сведения носят фрагментарный характер, что подчеркивает степень недостаточной изученности данной шубы.

Следует остановиться и на самом названии шубы как *хотойдоох сон* (шуба с орлом), такого варианта названия на якутском и русском языках придерживаются почти все авторы имеющих исследований.

На некоторые расхождения исследователей по поводу названия этого типа одежды указывает и С. И. Петрова, при этом она ссылается на мнение М. М. Носова, в работе которого упоминается *кыыл ымыылаах сон* «шуба с оберегом зверя», на работу Р. С. Гаврильевой, где автор обозначает ее как *ырбыылаах сон* «шуба с разрезом», на описание их как *кыбытыылаах сон* «шуба со вставками» или *бэстэрэйдээх сон* «шуба с пестринкой» по В. И. Иохельсону, на З. И. Иванову-Унарову, которая полагает, что название *хотойдоох сон* произошло от дословного перевода «шуба с орлиным узором на спине». А сама автор считает мнение М. М. Носова более точным, так как аппликация на спине в виде крыльев орла сделана, видимо, с высоким ритуальным назначением этой шубы.

В этой связи целесообразно отметить упоминание С. И. Боло о наличии в исторических преданиях якутов двух вариантов наименований – *хотойдоох сон* и *хотойдоох сабынньах* (Боло, 1994: 94).

³ Тангалай (тангалайдаах) сон старинная верхняя нарядная одежда якутской женщины, сшитая в основном из мехов с узором в виде зигзага (БТСЯЯ, 2013, т.10: 201). Ср. *уйг.*, *каракалп.* танглай, *узб.* танглай, *бур.* тангалай; ритуальная верхняя одежда, сплошь вышитая бисером, рукава, края одежды оторачиваются мехом выдры.

В приведенных работах допускается неоднозначное толкование при номинации данного вида верхней одежды, например, меховая доха, сон, сангях, хотя отдельные элементы этих видов вносят свою семантическую особенность в номинацию меховой одежды. Н. Ф. Прыткова (Прыткова, 1961: 231) отмечает, что «одежда эта носила название сангях (буквально "мехом наружу")». Таким образом, данную шубу можно было определить как *сабынньах /сангьях*, т. е. шуба с мехом наружу в соответствии с особенностью ее пошива и функциональной сферы.

Интересным в данном контексте считаем мнение М. М. Носова относительно варианта *кыыл ымыылаах сон*, который в работе автора находит свое именование наряду с *хотойдоох сон* (Носов, 1955: 98). Видимо, автор имел в виду под словом *кыыл* не зверя как родового понятия. Толковый словарь якутского языка вносит ясность в понимание данного слова: «Кыыл-некоторые дикие птицы, дичь (обычно так называют птиц, которые вызывают у якутов чувства уважения или боязни, опасения – напр., стерха)» (БТСЯЯ, 2008, т. 5: 423). Ымы, по прежним суеверным представлениям, это нечто, что может защищать, оберегать от злых духов, т.е. оберег. Можем предположить, что *кыыл ымыылаах сон* по своей сути, видимо, обнаруживает амбивалентное свойство, т. е. с одной стороны, изображенное на спинке может означать стилизованный знак уважения условной птицы, а, с другой стороны, оно может быть воспринято и как оберег, защита от злого, нечистого и т. д.

С другой стороны, мы допускаем мнение, что слово *хотойдоох* в данном контексте, возможно, имеет своим донором слово *хотобой*, значение которого согласно «Большому толковому словарю якутского» языка можно трактовать: 1) как маховые перья птиц; 2) как крыло птицы; верхняя часть птичьего крыла (БТСЯЯ, т.13: 620). В «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского дается более развернутое описание этой лексемы: 1) изгиб; 2) птичье перо, маховое крыло на предплечье; 3) изображающие маховые перья на крыльях птицы железные пластинки, прикрепленные к двум рукавам шаманского костюма, пониже дабыдалов и по одной продольной линии с ними (СЯЯ, 1959, т.3: 3529).

При таком подходе шубу можно было назвать как *хотобойдоох сон* (шуба с крыльями) без именованя самой птицы. Мы склонны считать, что название *хотойдоох сон* по своей семантике не в полной мере соотносится с обозначаемым объектом, будь это нарядная одежда невесты или шаманское одеяние. В обоих случаях допускается искажение взаимной обусловленности внешней формы и внутреннего содержания обрядового и ритуального действия.

Обращает на себя внимание необычное, исконно этническое название шубы *кула саныйах*, которое в «Диалектологическом словаре якутского языка» представлено как *кула һаныйах* и интерпретируется как расшитая оленья доха (ДСЯЯ, 1976: 121). О *кула саныйах* пишет С. И. Петрова следующим образом: «К сожалению, в коллекциях музеев республики *хотойдоох сон* не встречается, однако в краеведческом музее Среднеколымского улуса хранится шуба с изображением крыльев на спине, зафиксированная под названием *кула саныйах*, и которая, возможно, является образцом *хотойдоох сон*». Шуба сшита из пыжика – шкуры олененка – и имеет расширяющуюся книзу трапециевидную форму. Рисунок на спине похож на раскрытые крылья. <...> Подобные шубы северных якутов знатоки старины называют «*хотойдоох сон*» (Петрова, 2006:15). Весьма интересным в данном контексте является толкование значения слова *кула* как саврасый (о масти лошади) (>монг. хулан) светло-желтая шерсть в «Эвенкийско-русском словаре» (ЭРС, 2004: 311), что, возможно, указывает на окрас меха, из которого изготовлена шуба. Однако крайне затруднительно установить, как соотносится значение *кула* с сущностью понятия данной шубы, если в одном источнике она подается как *кула саныйах* по окрасу шкуры жеребенка, из которой она изготовлена, а из другого источника выясняется, что это шуба сшита из пыжика, тогда *кула саныйах* можно определить, как оленью доху. Содержатся ли в данных сведениях несовпадения, трудно судить.

А. И. Саввинов придерживается иного толкования относительно названия «*хотойдоох сон*» (досл. «шуба с орлом»), которое основывается на предположении его позднего происхождения.

При этом он исключает использование изображения тотемных птиц, считает, что якуты из северных соображений не могли не только их называть своими именами, но и использовать их изображения каким-либо образом. Поэтому он склоняется к мысли о том, что использование табуированного названия почитаемой птицы-покровителя для женской одежды в прошлом вряд ли практиковалось, и вопрос требует дополнительного изучения (Саввинов, 2018: 27–38).

В целом, невыясненным и открытым остается вопрос о том, что вообще изображено на спинке шубы. Как было уже сказано, авторы предлагают разное видение изображенной на спинке шубы орнаментальной вставки. Так, Р. К. Маак указывает на «серповидные вставки» (Маак, 1994: 232–233), В. Л. Серошевский воспринимает как «узор, напоминающий орла с распушенными крыльями» (Серошевский, 1993: 321). В. И. Иохельсон, изучавший материальную культуру якутов, довольно подробно описывает одежду местных жителей в своем исследовании, в том числе упоминает шубу, на спинке которой способом кыбыты, т.е. особая вставка (по В. И. Иохельсону *kybutya*) вставляется фигура с распростертыми крыльями из меха рыси и тарбагана. Как пишет автор, изображенная фигура символизирует **лопатки** (выделение наше – Т.Н., Г.Л.), и, по мнению якутов, имеет магическое значение (Иохельсон, 1933: 149–150).

А. П. Окладников отмечает «крылья» как обязательную принадлежность наиболее древней якутской одежды *хотойдоох сон*, «шубы с орлом», «мех крупного лесного зверя, вырезанный в виде орла» и нашитый на спину костюма (Окладников, 1949: 258). И. В. Константинов напоминает о вшивании серповидных или крыловидных фигур на спинке старинных женских сангяхов, называемых «хотойдоох сон» (дословно – шуба с орлом) и часто упоминаемых исследователями (Константинов, 1971: 85).

Что касается позиций более поздних авторов, то они, в основном, едины во мнении с вышеуказанными толкованиями. Например, Р. С. Гаврильева предлагает «хотойдоох сон» (шуба с орлом) или «ырбыылаах сон» (шуба с нашивкой на спине в виде летящей утки)» (Гаврильева, 1998: 45).

Е. Г. Федорова полагает, что на спинке делали напоминавшее орла с распростертыми крыльями украшение, выполненное из того же меха, но более темного оттенка является ярким примером украшения меховой одежды якутов – мозаики (Федорова, URL: <http://www.kunstkamera.ru>).

В работе Е. М. Ефимовой читаем, что «на спине шубы, около лопаток, всегда вышиваются серповидные вставки из меха бобра или выдры, шубу эту надевали не только зимой, но и летом» (Ефимова, 2009: 100–103).

По Петровой С.И., «на спине, около лопаток, всегда вшиваются крыловидные вставки из меха речного бобра или выдры» (Петрова, 2006: 15).

В другой уже работе автор заметила, что «серповидные вставки» на спине шубы не «вышивались», а вставлялись» (Петрова, 2013: 22).

На чем основано всеобщее мнение о том, что на спинке данной шубы изображены распростертые крылья орла? Ответ, видимо, надо искать в древних религиозно-мифологических воззрениях якутов, а именно, выходцев предков Кангаласского улуса, считающих орла тотемной птицей своего рода, сохранившейся в их генетической памяти и в последующие столетия на колымской земле. Тому подтверждением отчасти может быть алеко-кюельское происхождение имеющих в наличии образцов шуб, потомков, вероятно, Кангаласского улуса. В самом Среднеколымском улусе других сведений о данной шубе не обнаружено, кроме вышеуказанного села Алеко-Кюель.

Здесь следует отметить, что в имеющихся источниках нет достоверных сведений о бытовании такой шубы где-либо, кроме северных территорий таких, как Колыма, Абый, Верхоянье. Бытует мнение, что северные экземпляры сохранились в силу территориальной отдаленности, обособленного характера уклада жизни колымских якутов. По этому поводу М. И. Старостина пишет: «Некоторые старинные предметы одежды якутского народа дольше, чем в других местах Якутии сохранились только в Колымском крае. Должно быть, они ее хорошо прятали от священников. Сангях (сагыннях) еще долго был более популярен на Колыме, чем в Центральной Якутии» (Старостина, 2009: 157–158). Тем не менее, со временем данная шуба

стала исчезать и выходить из употребления, причиной тому авторы считают христианизацию колымских якутов, запрет носить ее из религиозных побуждений и т. д.

Вернемся к мнению, что шубы с орлом (хотойдоох соннор) представляют собой редкие уникальные экземпляры исчезнувшей якутской верхней плечевой одежды, сохранившей древний родовой тотем орла. С этим заключением согласны все авторы вышеупомянутых работ, кроме мнения, которое было высказано в вышеупомянутом исследовании Р. К. Маака, где четко не указывается источник рисунка (орнамента) на спинке шубы. В «Якутах» В. Л. Серошевского тоже не находим функциональную интерпретацию узора, напоминающего раскрытые крылья орла.

Взгляды остальных авторов сходятся на том, что на спинке данной шубы изображены раскрытые крылья орла, как тотемной птицы якутов. К примеру, тезис А. П. Окладникова: "Бесспорная связь изображения орла на древнем якутском сангыяхе или хотойдоох соне с общеизвестным для якутов культом орла, отмеченным еще Витзенем и Страленбергом, подкрепляет мнение о глубокой древности <...> (Окладников, 1949: 258).

Затрагивая статусность и сферу функционирования данной шубы, В. Л. Серошевский пишет, что «такие нарядные сангыяхи передаются из поколения в поколение как семейная драгоценность и надеваются в исключительно торжественных случаях. Сангыях дарится как брачный подарок свекрови. Наконец, в женском сангыяхе, в случае отсутствия костюма, совершает на севере шаман свои мистерии. В сангынях хоронили мертвых, в сангынях и одевали и одевают теперь на севере молодых для свадьбы.» (Серошевский, 1993:321–322). Авторы ряда источников допускают, что такая шуба может стать составляющей ритуальной одежды белых шаманов (айы ойууна). Например, это упоминалось в этнографических исследованиях В. Л. Серошевского, В. И. Иохельсона, А. П. Окладникова, В. Е. Васильева. Хотя трудно представить функционально-смысловую трансформацию нарядной свадебной женской шубы в шаманское облачение. Однако, подобное сомнение рассеивает точка зрения таких авторов, как В. Л. Серошевский, Т. З. Осипова-Сурнина, В. Е. Васильев и др., которые пишут, что шаманы в Колымском улусе совершали свои мистерии в женском сангыяхе в случае отсутствия костюма. Дополнительные сведения о том, что такая шуба может быть одеянием шамана приводятся в этнографических исследованиях В. Е. Васильева: «В краеведческом музее с. Алеко-Кюель Среднеколымского улуса Якутии хранится редкий экспонат: шуба сагыннах последнего шамана Первого Кангаласского наслега Якутии Дмитрия Батюшкина – Суор ойууна (1887–1968). Шуба сшита из тонких лоскутков кожи с шерстью белого, рыжего и черного цветов. На спинке шубы нашито изображение орла с распростертыми крыльями – священный тотем племени, через подмышки пропущена длинная волосяная веревка – поводья, с помощью которых «белый» шаман притягивает благодать светлых богов. Рядом с шубой висит шаманский бубен с двумя колокольчиками и резонаторами из четырех рожков. Экспонаты не имеют инвентарных номеров и хранятся в подсобном помещении, поскольку на перемещение шаманских принадлежностей наложено табу, за нарушение которого может последовать строгое наказание» (Васильев, 2010; Васильев, 2013: 60–63).

В функциональном отношении, кроме утилитарного назначения, шуба сангыях носила ритуально-обрядовый характер, вернее, ее наспинное меховое дополнение с изображением серповидных фигур. И как пишет И. В. Константинов, процесс выделения особых видов одежды с ритуальным значением наблюдается только в женской, что должно быть, имеет древние корни. Такие украшения называются *дьайаа*. В словаре Э. К. Пекарского это слово переводится как «лопатка (плечевая кость)». В настоящее время оно вышло из употребления. В связи с этим уместно вспомнить вшивание серповидных или крыловидных фигур на спинке старинных женских сангыяхов, называемых «хотойдоох сон» (дословно – шуба с орлом) и часто упоминаемых исследователями (Константинов, 1971: 85).

По мнению автора, присутствие зооморфных изображений на женских и детских нарядах было широко распространенным явлением. Если главное назначение украшений на спинке детских костюмов – оберегать ребенка от болезней, то наспинное дополнение женской шубы как

оберег олицетворяет обрядовую форму защиты от злых духов – абааһы, которые могли, по верованиям якутов, похитить невесту или явиться в роли похищенной невесты (там же).

В связи с вышеизложенным, гипотетически строим версию о первостепенности все же утилитарной функции данной вставки, скорее, как защиту плечевых суставов ездока во время верховой езды от холода и сырости, влиянию непогоды. Например, подобное находим в этнографических исследованиях В. Л. Серошевского (Серошевский, 1993: 322), об этом косвенно отмечено И. В. Константиновым в связи с интерпретацией *дьайаа* как «лопатки (плечевой кости)» (Константинов, 1971: 85), по мнению В. И. Иохельсона, изображенная фигура символизирует лопатки (Иохельсон, 1933: 149–150).

По мнению С. И. Петровой, «Изображение раскрытых крыльев орла на спине имело, вероятно, более символическое, в широком смысле, значение родового знака – оберега и, вероятно, такую шубу надевали при обрядовых действиях как защиту души *кут*. Здесь следует подчеркнуть, что рисунок орла на спине шубы *хотойдоох сон* был нереальным, а изображен лишь силуэт раскрытых крыльев. Якуты боялись подробного изображения зверей, животных, человека. Они изображали их, подчеркивая их видовые особенности: крылья, рога, клюв или копыта. По верованию якутов, дух животного может рассердиться и принести вред или наслать болезни носящему» (Петрова, 2014: 85–86).

Смеем предположить, что меховая вставка на спинке шубы имела изначально, видимо, защитную функцию плечевой области во время верховой езды, а не только как декор в современном понимании. Сами детали данной конструкции, приобретшие со временем условно как бы контуры крыльев некой птицы, все же отдаленно напоминают изображение лопаток человека. Ответ на вопрос почему данная вставка приобрела статус декора женской шубы с присвоением соответствующей функции оберега, видимо, надо искать в перекодировании всей сущностной характеристики данного предмета верхней одежды в динамике исторических изменений.

Таким образом, несмотря на краткость и недостаточность информации, в общих чертах выявляется следующее: Шуба – сабынньах «Хотойдоох сон» имела распространение на северо-востоке Якутии, несколько образцов сохранились до наших дней, о чем свидетельствует их наличие в Среднеколымском краеведческом музее рис. 1 и, по наблюдениям В. Е. Васильева, в Алеко-кюельском музее-филиале рис. 2.

По имеющимся сведениям, шуба изначально носила мужской характер: прямое утилитарное назначение – согревающая функция во время езды верхом в холодное, сырое время года, в связи с утратой первоначальной функции, она стала приобретать разные функции, например, функцию социальной стратификации, функцию магической защиты и как составная часть материальной и духовной культуры якутов она отражала этническую картину мира в системе знаков и мифов, как ее фрагментов.

По свидетельству таких авторов, как З. И. Унарова-Иванова, М. И. Старостина часть имеющихся шуб вместе с другими культурными артефактами была вывезена Джебуповской экспедицией (1897–1902) в качестве культурно-этнографического материала, который впоследствии был выставлен в экспозиции Американского музея естественной истории рис. 3.

Как следует из других источников, в фондах Музея антропологии и этнографии насчитываются сотни уникальных якутских предметов, в том числе образец данной шубы (Культурное наследие народа Саха 1994: б) рис. 4.

Рис. 1. Шуба в Среднеколымском краеведческом музее

Рис. 2. Шуба в Алеко-кюельском музее-филиале

Рис. 3. Шуба в Американском музее естественной истории

Рис. 4. Шуба в Музее антропологии и этнографии

Что касается вопроса дешифровки характерных для данной шубы наспинных меховых вставок, то он открыто стоит на повестке дня для дальнейших дискуссий, обращенных к истокам этнокультурных корней архаичных видов одежды якутов, как источников былых межэтнических уз и социально-культурных связей как в этнической среде, так и сопредельных народов и территорий. В данном контексте можно констатировать и привести слова Р. С. Гаврильевой о том, что «К сожалению, с большим опозданием приходится воспроизводить вид забытой старинной одежды путем историко-ретроспективной реконструкции ее по реликтовым следам, отпечатавшимся в народной памяти, в произведениях фольклора, в материальной и духовной культуре сопредельных этносов» (Гаврильева, 1998: 139).

Список литературы:

- Боло С. И.** Прошлое якутов до прихода русских на Лену: По преданиям якутов бывшего Якутского округа. – Якутск: Бичик, 1994. – 352 с.
- Большой толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Т. V. – Новосибирск: Наука, 2008.
- Большой толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Т. X. – Новосибирск: Наука, 2010.
- Большой толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Т. XIII. – Новосибирск: Наука, 2016.
- Васильев В. Е.** Колымские шайтаны: легенды и реальность // Наука из первых рук от 22 декабря 2010.
- Васильев В. Е.** Музей в культурном пространстве Евразии // Материалы научной конференции с международным участием, октябрь, 2011 г. / Ред. Г. Г. Неустроева, Л. А. Кузьмина. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. – С. 60–63.
- Гаврильева Р. С.** Одежда народа саха конца XVII – середины XVIII века. – Новосибирск: Наука, 1998. – 144 с.
- Диалектологический словарь якутского языка / Составители: П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. – М.: Наука, 1976.
- Ефимова Е. М.** Семантика женской свадебной одежды якутов XVII – середины XVIII века // Культурология и искусствоведение, 2009. – С. 100–103.
- Иванова-Унарова З. И.** Якутская одежда в Американском музее естественной истории. - URL: <http://www.kuuyaar.ru/pauka/unarova/title2.rtf> (дата обращения 26.08.2019).
- Иванова-Унарова З. И.** Автохтонные черты в традиционных изделиях саха. – URL: <http://www.arcticmuseum.org/index.php/ru/odezhda/avtokhtonnye-cherety-v-traditsionnykh-izdeliyakh-sakha> (дата обращения 26.08.2019).
- Константинов И. В.** Материальная культура якутов XVIII века. – Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. – 212 с.
- Культурное наследие народа Саха Историко-этнографический очерк. – Санкт-Петербург; Якутск: Издательство "ЛЕНАРТ", 1994. – 96 с.
- Маак Р. К.** Вилуйский округ. 2-е изд. – М.: Яна, 1994. – 576 с.
- Мыреева А. Н.** Эвенкийско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2004.
- Носов М. М.** Одежда и ее украшения у якутов XVII – XVIII веков // Сборник научных статей. Вып. 1. – Якутск, 1955. – С. 84–136.
- Окладников А. П.** История Якутии. Прошлое Якутии до присоединения к русскому государству. – Якутск: ЯКУТГОСИЗДАТ, 1949. – Т. I. – 498 с.
- Осипова-Сурнина Т. З.** Эхо Колымы. – СПб., 2014. – 102 с.
- Пекарский Э. К.** Словарь якутского языка. 2-е изд. – Л.: Издание Академии наук СССР, 1959. Т. III.
- Петрова С. И.** Свадебный наряд якутов: традиции и реконструкции. – Новосибирск: Наука, 2006. – 104 с.
- Петрова С. И.** Народный костюм якутов: историко-этнографическое и искусствоведческое исследование / Петрова С. И., Заболоцкая З. М. – Новосибирск: Наука, 2013. – 206 с.
- Петрова С. И.** Традиционная одежда якутов XVII–XIX веков. Символика и семантика. – LAP LAMBERT 2014 г. – 202 с.
- Прыткова Н. Ф.** Верхняя одежда. Якуты // Историко-этнографический атлас Сибири. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 207–231.
- Саввинов А. И.** Этнографические материалы А. А. Саввина: одежда и украшения // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2018. – № 2 (23). – С. 27–39.
- Серошевский В. Л.** Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. – Якутск: Национальное изд-во Республики Саха (Якутия), 1993. – 736 с.
- Старостина М. И.** Колымские якуты в середине XVII – XX века: по материалам генеалогии. – Якутск: Бичик, 2009. – С. 157–158.

Федорова Е. Г. Украшения верхней плечевой одежды народов Сибири (народы Приамурья, Приморья, Сахалина, долганы, якуты, народы Южной Сибири) Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. - URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/ (дата обращения 26.08.2019). © МАЭ РАН. – С.140–141.

Jochelson W. The Yakut. Anthropological papers of the American Museum of Natural History. Vol. XXXIII. Pt. II. – New York City, 1933. – P. 149–150.

Николаева Т. Н., кандидат филологических наук, доцент.

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.

Ул. Белинского, 58, Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия, 677000.

E-mail: tnikolaeva184@mail.ru

Готовцева Л. М., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Ул. Петровского, 1, Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия, 677027

E-mail: Lingot@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 3 сентября 2019 г.

T. N. Nikolaeva, L. M. Gotovtseva

FROM THE DEPTHS OF ANTIQUITY: THE HISTORY OF THE "HOTODOOH SON"

The article attempts to describe the history of an archaic look of an old Yakut fur coat in terms of its functional purpose and syncretic social stratification. The bird wings depicted on the back of the fur coat are of particular importance that also serves as a justification for naming this type of outerwear as “hotodooh son” (a fur coat with an eagle).

The retrospective is based on data from early and late sources and allows us to express an assumption about the appearance of such a fur coat approximately at the end of the 17th century – the beginning of the 18th century. There is a hypothesis about its southern origin, so that we indicate the factors that determined the tendency of its gradual modification in northern conditions.

Realization of the task requires the use of an integrated approach involving data from ethnography, art history, cultural studies, technology, and design of clothing, linguistics, for which the authors summarized the available resources studying traditional Yakut clothing, which also includes this coat.

After analyzing a number of works on this topic, a preliminary conclusion can be made: the authors of publications believe that the symbolic marking of an ornithomorphic image on a fur coat is a sign of the totem as the ancestor of the social group of kangalans.

However, there are some articles that do not set the task of interpreting the hidden meaning depicted on the back of a fur coat - they consider it, first of all, from utilitarian functional purpose. The attention of the authors of this article is focused on an attempt to read the information incorporated both in the name of the fur coat and the symbol in the wings. According to the authors, the story of “hotodooh son” is fraught with many valuable facts for those who are interested in the history of the Yakut people as a whole.

Keywords: *Yakut ancient coat, museum, material culture, eagle totem, Yakuts, shaman, outerwear.*

References:

Bolo S.I. Proshloe yakutov do prikhoda russkikh na Lenu: Po predaniyam yakutov byvshego Yakutskogo okruga [The past of the Yakuts before the arrival of the Russians to Lena: According to the traditions of the Yakuts of the former Yakutsk region]. – Yakutsk: Bichik, 1994. – P. 352. (in Russian)

Bolshoy tolkovii slovar yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of Yakut language]/ Ed. by P. A. Sleptsov. – Novosibirsk, Nauka, 2008. – Vol. V. (in Russian)

- Bolshoy tolkovii slovar yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of Yakut language] / Ed. by P. A. Sleptsov. – Novosibirsk, Nauka, 2010. – Vol. X. (in Russian)
- Bolshoy tolkovii slovar yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of Yakut language] / Ed. by P. A. Sleptsov. – Novosibirsk, Nauka, 2016. – Vol. XIII. (in Russian)
- Vasil'ev V. E.** Kolymskie shaitany: legendy i real'nost' [Kolyma shaytans: legends and reality] // Nauka iz pervykh ruk ot 22 dekabria 2010. (in Russian)
- Vasil'ev V. E.** Muzei v kul'turnom prostranstve Evrazii // Materialy nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, oktiabr', 2011 g. [Museum in the cultural space of Eurasia]. – Yakutsk: Izdatel'skiidom SVFU, 2013. – P. 60–63. (in Russian)
- Gavril'eva R. S.** Odezhda naroda sakha kontsa XVII – serediny XVIII veka [Wear of the Sakha people of the late XVII and mid XVIII century]. – Novosibirsk: Nauka, 1998. – P. 144. (in Russian)
- Dialektologicheskii slovar yakutskogo yazyka [Dialectological dictionary of Yakut language], P. S. Afanas'ev, M. S. Voronkin, M. P. Alexeev. – Moscow: Nauka, 1976. (in Russian)
- Efimova E. M.** Semantika zhenskoi svadebnoi odezhdy yakutov XVII – serediny XVIII veka // Kul'turologiia i iskusstvovedenie [Semantics of women's wedding clothes of Yakuts of XVII-middle of XVIII century // Culturology and art History], 2009. – P. 100–103. (in Russian)
- Ivanova-Unarova Z. I.** Yakutskaiia odezhda v Amerikanskom muzee estestvennoi istorii [Yakut clothes in the American Museum of natural history]. – URL: <http://www.kuyaar.ru/nauka/unarova/title2.rtf> (26.08.2019). (in Russian)
- Ivanova-Unarova Z. I.** Avtokhtonnye cherty v traditsionnykh izdeliyakh sakha [Autochthonous features in traditional products of Sakha]. – URL: <http://www.arcticmuseum.org/index.php/ru/odezhda/avtokhtonnye-cherty-v-traditsionnykh-izdeliyakh-sakha> (26.08.2019). (in Russian)
- Konstantinov I. V.** Material'naia kul'tura yakutov XVIII veka [Material culture of the Yakuts XVIII century]. – Yakutsk: Yakutknigoizdat, 1971. – P. 212. (in Russian)
- Kulturnoe nasledie naroda sakha. Istoriko-etnograficheski ocherk [Cultural heritage of Sakha people. Historical and ethnographic essay]. St. Petersburg – Yakutsk: LENART Publishing House, 1994. – P. 96. (in Russian)
- Maak R. K.** Viliuiskii okrug [Vilyui district]. 2 izdanie. – Moscow: Jana, 1994. – P. 576. (in Russian)
- Myreeva A. N.** Evenkiisko-russkii slovar [Evenkiy-Russian dictionary]. – Novosibirsk: Nauka, 2004. (in Russian)
- Nosov M. M.** Clothing and its decorations of Yakuts in XVII – XVIII centuries. Sbornik nauchnykh statei, no. 1. – Yakutsk, 1955. – P. 84–136. (in Russian)
- Okladnikov A. P.** Istoriiia Yakutii. Proshloe Yakutii do prisoedineniia k russkomu gosudarstvu [History of Yakutia. The past of Yakutia before joining the Russian state]. – Yakutsk: YaKUTGOSIZDAT, Vol. 1. 1949. – P. 498. (in Russian)
- Osipova-Surnina T. Z.** Ekho Kolymy [Echo of Kolyma] – St. Petersburg, 2014. – P. 102 (in Russian)
- Pekarsky E. K.** Slovar yakutskogo yazyka [Dictionary of Yakut language]. – Leningrad, the USSR Academy of Sciences, 1959. – Vol. III, 2nd ed.
- Petrova S. I.** Svadebnii naryad yakutov: traditsii i rekonstruktsii [Wedding clothes of Yakuts: traditions and reconstructions]. – Novosibirsk: Nauka, 2006. – P. 104 (in Russian)
- Petrova S. I.** Narodnii kostum yakutov: istoriko-etnograficheskoe iiskusstvovedcheskoe issledovanie [People's Costume of Yakuts: Historical, Ethnographic and Art History Study], S. I. Petrova, Z. M. Zabolotkaya. – Novosibirsk: Nauka, 2013. – P. 206 (in Russian)
- Petrova S. I.** Traditsionnaya odezhda yakutov XVII– XIX vekov. Simvolika i semantika [Traditional clothes of Yakuts in XVII-XIX centuries. Symbolism and semantics]. – LAP LAMBERT, 2014. – P. 202 (in Russian)
- Prytkova N. F.** Upper clothes. Yakuts. Istoriko-etnograficheskii atlas Sibiri. – Moscow-Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 1961. – P. 207–231. (in Russian)
- Savvinov A. I.** Etnograficheskie materialy A. A. Savvina: odezhda i ukrasheniia // Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik [Ethnographic materials of A. A. Savvin: clothes and jewelry // North-Eastern humanitarian Journal]. – 2018. – Vol. 2 (23). – P. 27–39. (in Russian)
- Seroshevskii V. L.** Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniia [The Yakuts. Experience of ethnographic research]. 2 izdanie. – Yakutsk: Natsional'noe izdatel'stvo Respubliki Sakha (Yakutiia), 1993. – P. 736. (in Russian)
- Starostina M. I.** Kolymskie Yakuty v seredine XVII – XX veka: po materialam genealogii [Kolyma Yakuts in the middle of the XVII - XX centuries: based on genealogy materials]. – Yakutsk: Bichik, 2009. – P. 157–158. (in Russian)
- Fedorova E. G.** Ukrasheniia verkhneiplechevoi odezhdy narodov Sibiri (narody Priamur'ia, Primor'ia, Sakhalina, dolgany, yakuty, narody Yuzhnoi Sibiri) Elektronnaia biblioteka Muzeia antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN [Decorations of the upper shoulder clothes of the peoples of Siberia (peoples of the Amur region, Primorye, Sakhalin, Dolgans, Yakuts, peoples of southern Siberia) Electronic library of the Museum of anthropology and Ethnography. Peter

the Great (Kunstammer) RAS]. – URL: [http://www.kunstkamera.ru /lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/](http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/5-88431-129-x/) (26.08.2019)
© MAE RAN. - p. 140-141.

Jochelson W. The Jakut. Anthropological papers of the American Museum of Natural History. Vol. XXXIII. Pt. II. – New York City. 1933. – P. 149–150.

Nikolaeva T. N. Ph.D. in Philology, Associate Professor of German Department.

Institute of Modern Languages and International Studies M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Ul. Belinsky, 58, Yakutsk, Russia, 677000.

E-mail: tnikolaeva184@mail.ru

Gotovtseva L. M., Ph.D. in Philology, Senior Researcher Lexicology of

Yakut Language Department. Russian Acad Sci, Siberian Branch, Inst. Humanities Res&Indigenous Studies North.

Ul. Petrovskogo, 1, Yakutsk, Russia, 677027.

E-mail: Lingot@rambler.ru